

АФРИКА — ЛЮБОВЬ МОЯ

Людмила Попова

Людмила Попова

Африка – любовь моя

«Издательские решения»

Попова Л.

Африка – любовь моя / Л. Попова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966373-3

Людмила Попова — член Академии российской литературы, член Союза российских писателей. Много лет проработала в Минвнешторге и в МИДе России, в том числе за границей. Книги: «Африка», «Тайны Ласточкиного гнезда», «В лучах волшебного фонаря», «Адам и Ева», «Горстка черешен», «Ленин возвращается». Книга «Африка — любовь моя» посвящена долгосрочной командировке в Республику Бенин, впервые была издана в 2009 году. Все действующие лица вымышлены, любое сходство с реальными людьми случайно.

ISBN 978-5-44-966373-3

© Попова Л.

© Издательские решения

Содержание

1. Предыстория	6
2. Перелёт	9
3. На пороге нового мира	10
4. Аня	11
5. Моя африканская квартира	14
6. Новая работа	17
7. Овощной рынок	18
8. Текучка	20
9. Животный и растительный мир	22
10. В гостях у Ольги	23
11. Первые переговоры	26
12. Выставка книг и фотографий	28
13. Новые знакомства	30
14. Лагуна	32
15. Местные развлечения	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Африка – любовь моя

Людмила Попова

Корректор Александра Приданникова

Фотографии из личной коллекции автора

© Людмила Попова, 2019

ISBN 978-5-4496-6373-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Предыстория

Круглов, заместитель генерального директора по кадрам, мужик мощный, казался отлитым из чугуна и непрошибаемым, но однажды мне кто-то сказал:

– Ты знаешь, что он пишет картины? Зайди к нему, он привёз и расставил их сегодня у себя в кабинете: хотел услышать мнение какого-то специалиста. Стоит посмотреть!

На минутку я заглянула в его кабинет и обомлела...

Издавна я знала и любила французских импрессионистов. Передо мной были холсты яркого импрессиониста, человека бесконечно влюблённого в жизнь, в синь неба и изумруд травы... Я с удовольствием посещала Третьяковку, Музей изобразительных искусств им А. С. Пушкина, старалась не пропускать ни одной выставки, знала много художников, но такого буйства красок никогда ещё ни у кого не видела. Очень самобытно. И где он нашёл такие краски?! Это была живая июньская зелень, молодая, сочная, обласканная солнцем, досыта накормленная матушкой-землёй, вдоволь напоенная и умытая грозowymi ливнями. Всё вокруг ликует и цветёт. Какою же должна быть душа у человека, чтобы так остро чувствовать окружающий мир, да ещё уметь передать всё это на полотне! Надо же, какая тонкая лирическая душа кроется в глубине этого грубо сколоченного здоровяка! В то время как некоторые равнодушно взирают на цветущие одуванчики и проплывающие облака, у него внутри поднимается шквал эмоций и рука с кистью выплёскивает этот шквал красками на холст. Круглов, автор картин, скромно сидит за своим столом и внимательно, настороженно следит за мной... Внутри у него тоненькие струнки. Такого легко ранить случайно обронённым словом, очень больно или даже смертельно. Хорошо ли мы знаем, достаточно ли бережём друг друга?

Меня всегда удивляло, почему люди так легко произносят грубые, обидные слова и с трудом, стесняясь, смущаясь, запинаясь, как будто делают что-то постыдное, говорят или делают что-либо доброе. Почему неловко приободрить раздавленного горем попутчика в автобусе, который чувствует себя совсем одиноким? Почему язык не поворачивается признаться в любви самому дорогому на свете человеку? А вот хлестнуть кого-то обидным словом сгоряча – этого не стесняются. Надо бы всё наоборот!

Жизнь порой преподносит нам неожиданные сюрпризы. Во всяком случае, в моей жизни случилось много совершенно неожиданного. Может, я сама в этом виновата, а может, со всеми людьми так происходит, не знаю.

Так вот, этот самый Круглов, ракушка с жемчужиной внутри, отправил меня в долгосрочную командировку в Африку. До этой поры я и мечтать не могла, что могу заехать так далеко. А случилось всё таким образом.

К нам направили молодых сотрудниц, хорошо владеющих иностранными языками, те немного потолкались у нас и ушли работать переводчицами в дипломатический корпус. Стали соблазнять меня:

– И что ты там сидишь? Прекрасно знаешь язык, а применить его негде. А тут широкий простор для твоих возможностей и платят побольше. Переходи к нам.

Я подумала и решилась. Пошла по указанному адресу. Приняли меня довольно дружелюбно – наверное, не без помощи моих новых подруг, а может, я чем-то приглянулась.

– Так, – сказал пожилой и очень строгий на вид кадровик, разглядывая мой диплом, – окончила Воронежский университет с отличием. Значит, в Воронеже училась? Выходит, мы – выпускники одной альма-матер. – И он приветливо улыбнулся, отчего у меня сразу полегчало на душе.

– А у нас как раз срочно требуется сотрудник во французском посольстве. Телефонистка.

Я сказала, что такая должность меня не очень устраивает. И не знала я тогда, какую удачу теряю, больше она мне никогда не улыбнётся. Ответив, что подумаю, я ушла. Теперь бы я

работала в крупном европейском посольстве, ездила бы в прекрасную страну в командировки. А может, и нет, кто знает? Я никогда, ни разу не могла предугадать, что со мной может произойти в жизни. Ни разу. Иногда я надеялась на самое лучшее – и мои грёзы рассыпались буквально в прах. А иногда ни на что не надеялась, считала, что всё теряю, и вдруг выигрывала... Что это: судьба или мои собственные ошибки и промахи? Трудно сказать. Итак, я вернулась в свою шарагу, не зная, менять мне работу или нет.

Прошло дня два, и вдруг меня вызывает к себе Круглов.

– Так вы собираетесь от нас уходить?

Я удивилась: откуда он узнал? Я никому не рассказывала о своих планах, тем более ему.

– Мы тут всё знаем, – хитро усмехнулся он.

Ему явно не хотелось меня отпускать, и он стал горячо убеждать, что работать у капиталистов (в иностранном диппредставительстве) очень опасно (это были советские времена): никакой гарантии, в любой момент могут уволить эти эксплуататоры. Затем расспросил, почему это я надумала менять работу, что меня не устраивало здесь. Тут же позвонил в центральные кадры и предложил мне командировку. Франция и Италия не получились: во Франции не было места, от Италии я сама отказалась, потому что не знала достаточно хорошо язык (впоследствии туда поехал человек, знавший язык не лучше меня), – а в Африку, бывшую французскую колонию, была наибольшая возможность. Он дал поручение подготовить меня для долгосрочной командировки.

– Нечего бояться! В Африке есть красивые страны с хорошим климатом. К примеру, Кения – это же африканская Швейцария! Экзотика, незабываемые впечатления! И к тому же зарплата высокая, тоже неплохо – можно приодеться.

Мне действительно стоило приодеться. В советскую эпоху ассортимент товаров в магазинах был весьма скудный, а женщины, которые здесь давно работали и часто выезжали в командировки за границу, щеголяли модными нарядами. Я, новенькая, на их фоне выглядела бедной и бледной родственницей.

Дома, на семейном совете, решили, что болезнь или беда может приключиться и в Москве, а поехать посмотреть такой далёкий и поэтому загадочный континент вряд ли мне самой когда-нибудь удастся. Так что следует воспользоваться случаем. В общем, стоит соглашаться.

До меня из моей шараги никто в Африку не ездил. Я была первой ласточкой. После меня полетели и другие («Уж если такая хрупкая, как балерина, девушка не побоялась, чего нам бояться!»).

Надо сказать, что до этого я была далека от Африки: с африканскими странами мы никогда не работали. Мои знания об этом континенте ограничивались тем, что там находятся малоразвитые страны, жуткая жара и пустыни, тропическая растительность и экзотические животные. Интернет в те времена ещё не изобрели. Я принялась рыться в энциклопедиях и справочниках, чтобы как-то пополнить свои скудные знания, но почти ничего не нашла. Пришлось ехать в Ленинскую библиотеку, там информации было побольше, но тоже не очень густо. Узнала только то, что Африканский континент – самый отсталый и бедный, а страна, в которую меня посылали, стояла в самом хвосте списка бедных стран. Правда, был и один положительный момент: в моей стране, в отличие от других, из тропических болезней была распространена только малярия. Но и сама малярия – донельзя коварная болезнь. Учёные всех стран мира уже много лет бьются над созданием вакцины против этой инфекции, переносимой комарами, но пока безуспешно. Может, потому, что существует около трёхсот видов возбудителей, лекарства и вакцина, найденные против одного типа, совсем не эффективны против другого. Ещё я узнала из прочитанного, что в африканских странах, как и во всех тропических, не следует ходить по почве босиком, особенно после дождя: микроскопические паразиты, невидимые глазу, проникают сквозь кожу в организм и, распространяясь по всем органам

вплоть до головного мозга, вызывают тяжёлые неизлечимые болезни. Европейцы после долгих исследований и опытов нашли средство спасения от этих паразитов. Оказывается, они не переносят медь. Французы стали изготавливать для африканских стран стеклянную посуду с добавлением меди. Рекомендовалось также класть медные пластинки в резервуары с водой, предназначенной для питья и приготовления пищи. Я взяла эту информацию на заметку и запаслась медной пластинкой.

Мои сотрудники, посещавшие только европейские страны, естественно, ничего не знали про африканское государство, в котором мне суждено было работать. Его даже на карте не было в нашем отделе кадров. У меня спрашивали:

– А в какую страну ты едешь? Мы устали искать на карте, да так не нашли.

Просто карта была старая, а всё в мире постоянно меняется. Была одна страна – Дагомея, а потом разделилась на две: Бенин, куда меня направляли, и Того.

Знакомая девушка встретила меня в коридоре и с тревогой спросила:

– Тебя не в Анголу посылают? Нет? Ну слава богу! А то оттуда на днях нашего дипломата прислали в цинковом гробу: умер от малярии. Совсем молодой парень, всего 27 лет.

– Когда поедешь, возьми с собой хотя бы на первое время несколько ящиков воды, – напутствовали полусуто-полусерьёзно мои лучшие друзья. – И поосторожней там! А-то проснёшься утром, а над тобой удав склонился, раздумывая, съесть или не съесть.

В центральных кадрах, где я проходила стажировку, пожилая дама, работавшая когда-то в Алжире, тоже рассказала кучу страстей-мордастей:

– В африканских странах водятся ящерицы саламандры. Они совершенно прозрачные, проникают в помещения через самые маленькие щели и прилипают к потолку или стене. Одна женщина, купаясь в душе, заметила на стене такую ящерицу, захотела прогнать и направила на неё струю воды, та свалилась на голое плечо купальщицы и обожгла пуще крапивы. Оказывается, из лапок этих животных выделяется вещество, благодаря которому они приклеиваются к стене, а попадая на человеческое тело, оно вызывает сильный ожог.

– А однажды, – с удовольствием продолжала моя наставница свои ужасные воспоминания, – к нам прилетел в короткую командировку один специалист. Поселился в дешёвой гостинице. Ночью ящерица упала к нему в постель. Спросонья он принял её за змею и жутко перепугался. Но когда, включив свет, увидел ящерицу, тоже не очень обрадовался. Остаток ночи он провёл у ворот посольства, сидя на чемодане. Мы нашли его, бледного и дрожащего, в девять утра, когда пришли на работу. Он заявил, что больше ни дня не останется в этой стране, и первым же рейсом улетел в Москву.

Не рассказы, а страшилки. Нисколько они не вдохновляли на поездку.

Мой бывший начальник отдела, мудрый и добрый человек, подарил мне подковку на счастье и посоветовал, грустно улыбаясь:

– Ты там будешь одна. Готовься к самому худшему, тогда легче будет всё перенести...

2. Перелёт

И вот Ту-154 уносит меня в Африку. Такой большой перелёт я осуществляла впервые: из Москвы через всю Европу, через Средиземное море, с одной посадкой в Триполи, столице Ливии. Стюардесса объяснила, где найти и как пользоваться спасательными жилетами в случае аварии над морем. Слава богу, они нам не понадобились. В Триполи всех попросили выйти из самолёта. Огромный полупустой зал аэропорта, подвесные телевизоры (у нас таких ещё не было), которые почему-то не работали. Многие подходили к бару пить сок, который выдавали в маленьких баночках по посадочному талону. А я так боялась опоздать на свой рейс и потеряться, что даже не решилась взять сок и только лихорадочно слушала сообщения и следила за стрелками часов.

В Триполи пассажиров прибавилось. Самолёт стал похожим на переполненный автобус. Правда, в проходе никто не стоял, зато все щели были забиты ручной кладью. Солидные бизнесмены с видом бывалых флибустьеров, молоденькие европейские женщины с африканским загаром притащили с собой в салон множество саквояжей, баулов и сундучков, которые с трудом размещались на полках, а при подъёме самолета градом посыпались на пол. Пузатенький, обитый железом сундучок молодой красотишки упал на лысину её пожилого друга. Но всё обошлось без жертв.

Когда самолёт стал разворачиваться на посадку над аэропортом Бенина, показался край залива. Это было впечатляющее зрелище: длинная, до самого горизонта жёлтая лента песчаного берега, тёмно-синяя гладь моря и кружевные волны прилива...

3. На пороге нового мира

Наконец я прибыла в пункт назначения, город Котону. Спустившись по трапу, увидела маленькое неказистое здание аэропорта и аэродром, похожий на старую спортплощадку.

В самолёте было душновато, и я торопилась выйти наружу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Вместо живительного воздуха нос ощутил сгустки разогретого пара, как в предбаннике, от которого у меня ещё с детства остались неприятные воспоминания.

Пришлось долго привыкать к тропическому влажному климату. На первых порах я могла нормально дышать только в помещении с кондиционером. Потом со временем привыкла и уже не ощущала на улице никакого дискомфорта. А вечерами, после захода солнца (в этой стране круглый год солнце всходило ровно в 7 утра и садилось ровно в 7 вечера), вообще становилось прохладно. Этому способствовал и свежий ветерок, прилетающий с моря, благо оно всегда было рядом.

Как по мановению волшебной палочки, я оказалась в другом мире, где всё было совершенно новое, непривычное.

Дома я тщательно подготовилась к командировке в жаркую страну. Поскольку я белокожая и вместо загара солнце дарит мне сильные ожоги, я заказала два костюмчика из тонкой хлопковой ткани, состоящих из шаровар и блузы с длинными рукавами. Пришлось перелистать множество журналов мод, чтобы найти приемлемые фасоны, одновременно нарядные и элегантные, подходящие для моей должности – старший инкорреспондент советского торгпредства за рубежом. Модели выбрала из польского журнала. Для головы привезла с собой широкополую соломенную шляпу. От шляпы пришлось сразу же отказаться: мало того что в ней было невыносимо жарко, как в меховой шапке, она усиливала и без того обильное потоотделение. А что касается турецких шаровар и блуз, то они меня хорошо выручали. Благодаря моим костюмам в первые недели пребывания у меня обгорели только оставшиеся открытыми тыльные стороны кистей рук и верхняя часть стоп. Но как обгорели! На коже образовались очень болезненные пунцовые ожоги, которые со временем преобразовались в непроходящие белые пятна. Такой вот африканский сувенир на всю оставшуюся жизнь.

У некоторых сотрудников посольства, которые, конечно, не могли знать всех чужих проблем и трудностей, моя форма одежды вызвала недоумение и даже неприязнь.

– Что это она вырядилась в турецкие шаровары?! Пусть одевается как все!

Но мой руководитель заявил, что ему нравится стиль новой сотрудницы, и на этом пересуды закончились.

4. Аня

Аня, на смену которой я приехала, миловидная блондинка, в честь моего приезда приготовила экзотический обед из тропических продуктов. Особенно впечатлил салат из ананасов и папайи. Она извлекла его из холодильника, и комнату наполнил умопомрачительный аромат созревших под тропическим солнцем фруктов. Это были не те зелёные и кислые ананасы, которые продают в Москве, но жёлтые, как янтарь, наполненные сладким соком. Необычным был салат из свежих помидоров и огурцов, помещённый в половинки авокадо. Его надо поедать ложечкой вместе с мякотью плода. Так вкусно! Авокадо стали моими излюбленными плодами. Здесь их употребляли с салатом из помидоров и огурцов или с креветками и майонезом. Помещали и салат, и креветки в половинку плода, на место удалённой огромной косточки. За время моего пребывания в Африке я часто лакомясь авокадо и безо всякого наполнения. Стоило только выбрать спелые плоды, мягкие на ощупь, когда легко отделяется корочка. Берёшь такой плод, разрезаешь пополам, выбрасываешь косточку (она не съедобна), а потом чайной ложечкой выедаешь мякоть. Бесподобный вкус, похожий на варёный желток с майонезом. И добавлять, по-моему, ничего не надо.

– Знаешь, – призналась мне за обедом Аня, – я бы ещё здесь хотя бы на год осталась. Всё-таки хочется денег побольше заработать. Несколько раз заводила об этом разговор с торговцем, но он категорически против. Вот такое отношение. – И она грустно вздохнула.

Через неделю моей коллеге предстояло улететь в Москву, а пока квартира была занята, меня поместили на вилле военного атташе, который улетел с женой в отпуск. Он занимал небольшой двухэтажный особняк под резиденцию и офис. Комнаты были просторные, хорошо изолированные, каждая снабжена отдельной душевой и туалетом. Больше всего меня впечатлили эти вспомогательные помещения, оформленные в мягких пастельных тонах. В одной душевой всё нежно-розовое, как будто засыпано лепестками роз: стены, пол, раковина и биде; в другой всё светло-зелёное, в третьей – лимонно-жёлтое. Даже заходить приятно!

В 20 часов здесь наступила глубокая ночь. Кромешная тьма за окнами. И вдруг погас свет. Первая мысль, которая почему-то пришла на ум: «Грабители! Они проникли и отключили рубильник на первом этаже» (я была в спальне, на втором). Дрожа от страха и не имея никакой возможности позвать кого-либо на помощь (в доме был телефон, но я не знала ни одного местного номера), я сидела, боясь пошевелиться, в ожидании своей участи – скорее всего, трагического конца. Время шло, но грабители не появлялись. Хотя трудно заметить чёрного человека в чёрных сумерках. А может, просто электричество отключилось из-за аварии (мне потом сказали, что так часто бывает). Только на минуту успокоилась – и тут же вспомнила про ящериц и прочих гадов, которых здесь полно. И снова содрогаюсь от ужаса. Правда, обходя и разглядывая апартаменты, никаких тварей не заметила, но они могли притаиться, а теперь, пользуясь темнотой, выползти из укрытий. Я заранее приготовила себе постель, но лечь не решилась. Сидела на кровати, поджав ноги, и напряжённо прислушивалась к каждому шороху. Только под утро, когда начало светать и стали видны все предметы вокруг, я, наконец, заснула – и, конечно, проспала, опоздав на работу.

Перед отъездом Аня познакомила меня со всеми своими друзьями, чтобы я не скучала, оставшись одна. С ней мы побывали в гостях у корреспондентов АПН и ТАСС. У каждого была своя вилла, где они и работали, и проживали со своими семьями. Корреспондент ТАСС, Чадов, красивый молодой человек, выпускник Иняза им. Мориса Тореза. У него молодая жена и маленький сынишка. Жена числилась техническим сотрудником корпункта, обслуживала телекс и факс.

У пожилого корреспондента АПН Коптилова жена была лет на пять старше. Она тоже помогала мужу по работе и отменно вела домашнее хозяйство. Люди они были интересные,

много объездили стран, много всего повидали и принимали радушно. Смущало только одно: они бранились при гостях, не стесняясь выражений. Чувствовалось, что они друг другу порядком надоели. Поэтому любили разнообразить свой быт новыми знакомствами. По работе корреспондент АПН действовал проворнее своего молодого коллеги, всюду успевал и всё узнавал первым.

Самыми яркими и запоминающимися оказались впечатления первых дней пребывания. С любопытством и жадностью впитывала я новую информацию. Меня интересовало всё: например, что за серые камешки предлагают уличные торговки бакалеей – может, это каменная соль? Оказалось – мел, его употребляют в пищу беременные и кормящие грудью женщины, чтобы восполнить недостаток кальция.

Прогуливаясь с Аней по улице, мы встретили белых негров. Совсем белых, если не считать чёрных пятен, разбросанных по телу, как у далматинцев.

– Погляди-ка! Что это с ними? – спрашиваю Аню.

– Да, встречаются такие, – спокойно объясняет моя коллега, которую здесь уже ничем не удивишь. – Это негры-альбиносы. Они такими рождаются. Говорят, что раньше, а может и сейчас в глухих деревнях, новорождённых белокожих детей убивали.

– Боже мой! Какая жестокость!

– Вовсе не жестокость. Родители считали, что ребёнок родился без кожи и его необходимо спасти от мучительной смерти.

Лёша, представитель «Авиаэкспорта», повёз нас с Аней в банк и на почту. Почта и банк – часть моей работы. В центре города – оживлённая манифестация. Народ ликует, все смеются, что-то скандируют, обнимают друг друга, машут руками, приплясывают на ходу. По дороге, как в цирке, несутся мотоциклеты и велосипеды, увешанные гроздьями парней с национальными флагами в руках. Из встречных машин высовываются головы и руки, раздаются громкие возгласы...

– Что случилось? – удивлённо спрашиваю я. – Может, переворот в стране произошёл?

– Нет, – смеётся Лёша. – Так здесь празднуют победу в футбольном матче. Африканцы – темпераментный народ и безумно любят футбол. Китайцы (КНР) построили им ультрасовременный стадион, где проходят состязания. Мы тебе его как-нибудь покажем...

Ещё одна вещь меня поразила: все тяжести африканцы носят не в руках или на спине, как у нас, а на голове. Лёша указал на парня, который шёл по улице с телевизором на голове и даже не придерживал его рукой. Мало того, он вертел головой налево и направо, рассматривая витрины магазинов. А на другой улице женщина несла на голове огромную железную бочку. Не знаю, пустая была бочка или наполненная чем-либо. Эта особенность – носить грузы на голове – делала население такими стройными! Мне не довелось увидеть ни одного кривобокого или сутулого африканца.

Тяжести приучались носить с самого раннего детства: возле колодца мальчику лет десяти четверо таких же мальчуганов ставили на голову ведро, полное воды, и он нёс, не уронив ношу и не расплескав ни капли. Водопровод здесь только для богатых, беднота носит воду домой из уличных колонок. Удивительно, как от тяжести не лопаются череп! Под груз подкладывают только тряпку, свёрнутую калачиком, для лучшего равновесия...

Через пару дней по дороге на работу я приобрела у уличного торговца малахитовое ожерелье. Африканец, идущий мне навстречу в национальном балахоне, улыбаясь белозубым ртом, предлагал ожерелья, висающие, как браслеты, у него на запястье.

– Это малахит из Заира, – объяснил он, не переставая улыбаться. – У нас такого нет. Из Заира!

Конечно, я поторопилась купить. Как же не купить, когда предлагают редкую вещь из Заира?!

– Сколько ты за него заплатила? – спросила Аня, разглядывая кустарно обточенные мелкие бусинки. – Да ты с ума сошла! – воскликнула она, узнав цену. Да за деньги, которые ты отвалила счастливчику, знаешь сколько можно таких бусиков купить?! Никогда не плати сразу, не торгуясь: цены завышают в несколько раз!

После этого Аня сводила меня на рынок и показала, как следует торговаться и покупать.

Я с любопытством наблюдала, как она, услышав от продавщицы цену, делала вид, что собирается уйти. Тогда торговка звала её и убавляла стоимость товара, и так несколько раз, пока цена не становилась приемлемой. С помощью Ани я сделала свою первую покупку: красивое платье, украшенное ажурной вышивкой.

– Будешь надевать и меня вспоминать, – улыбнулась Аня. Опять же с помощью Ани я перекрасила это платье французской краской из бежевого в шоколадный цвет и потом долго носила его и в Африке, и в Москве. Оно стало моим любимым – нарядное и удобное.

Неделя пролетела быстро, и вот уже я провожаю Аню в аэропорту. Мы подружились за эти дни, и было жаль расставаться. Аня показалась мне общительной, открытой и симпатичной девушкой. На прощание она желает мне успеха, вспоминая, сколько горьких слёз пролила от обид и чёрствости людской, и мне становится так страшно перед своим будущим, что хочется улететь вместе с ней. Аня пожаловалась, что её, как Золушку, никогда не брали на приёмы в посольстве, а оставляли присматривать за малыми детьми дипломатов. Служебные машины предоставляли только мужчинам, а женщинам никогда, даже если умеешь водить. В других дипломатических миссиях, например Австрии, женщины-сотрудницы, имеющие водительские права, как и мужчины, пользовались служебными машинами. Аня имела водительские права, но они ей, увы, негодились. Советские дипломаты разъезжали повсюду с жёнами, а Аня коротала время, проливая слёзы в подушку. Дни её не отличались разнообразием: работа и дом, дом и работа. Иногда какая-нибудь добрая душа вспоминала о ней и брала с собой в посольский клуб, где по выходным показывают новые фильмы, присланные из Москвы.

– Может, это и к лучшему, что мне не продлили командировку. Пришёл конец моим мучениям, – философски заключает Аня.

Слушая её, я сокрушалась, что так легкомысленно согласилась уехать одна далеко от родных и друзей, в чужую страну. Что я буду здесь делать? Сколько слёз мне придётся пролить? Меня охватила паника...

5. Моя африканская квартира

Я осмотрела оставшуюся мне в наследство от Ани квартиру. Она располагалась на первом этаже двухэтажной виллы. Мои владения – небольшая комната с кондиционером, служившая спальней, душевая, кухня и огромная веранда высотой в два этажа с массивным, как вертолётный пропеллер, вентилятором под потолком для разгона жары. Обычно он был выключен.

Открыла шкаф в спальне, собираясь разместить свои вещи. Оттуда, как из сырого подвала, пахло ядрёным запахом плесени. Пожалуй, надо оставить его открытым, пусть поначалу просохнет. От постели: подушки и матраса – тоже несло болотной сыростью. Как же Аня спала в таких условиях? На улице нещадно палило солнце. Я разместила подушку и матрас во дворе на целый день, чтобы основательно просушить.

Из спальни перешла на кухню, где неделю назад Аня угощала меня экзотическим обедом. Первым делом открыла фильтр для воды (десятилитровый бак) и бросила на дно медную пластинку. Из таких баков берут воду для приготовления пищи и умывания, поэтому каждый день в него надо подливать воды.

Мой начальник, торгпред, подчеркнул:

– У тебя на кухне стоит вместительный итальянский холодильник!

Холодильник был действительно большой, но, наверное, ветеран Первой мировой войны. Стоило мне его открыть, как там засуетились и забегали таракашки. Боже мой, живность даже в холодильнике! По форме и размеру тараканы были похожи на наших, рыжих, только совсем бесцветные, как ипритные ящерицы, обитали они в дверце, за резиновой прокладкой. Я попыталась их выгнать и уничтожить, но их оказалось несметное количество! Однако самое страшное таилось в кухонных шкафах, расположенных вдоль стены. Стоило их открыть, как оттуда выскочили с проворством освобождённых узников чёрные тараканы величиной со спичечный коробок. О существовании таких я раньше только слышала. Но, как говорится, лучше один раз увидеть... Кажется, в Латинской Америке их называют «кукарача». Даже песенка такая есть: «Он назвал меня „кукарача“ – это значит таракан». Одно дело песенка, а другое – когда эти твари выскакивают на тебя изо всех углов и начинают кружить по кухне (они, оказывается, ещё и летают!), и ты боишься, чтобы они не сели тебе на голову. Надо срочно найти какую-нибудь травилку, чтобы уничтожить всю эту нечисть. К сожалению, мой багаж с хозяйственными товарами ещё не прибыл. Из Москвы разрешалось брать с собой сто килограммов несопровождаемого груза. Я набила картонную коробку моющими и чистящими порошками, мылом – туалетным и хозяйственным, туалетной бумагой, посудой. Не забыла прихватить банку с хлорной известью и марганцовку. С хлоркой каждую неделю мыла полы, а с марганцем первые дни ополаскивала все фрукты и овощи, принесённые с рынка. Потом постепенно привыкла к новым условиям и оставила марганец в покое.

Долгожданная моя коробка пришла месяца через три после моего приезда.

Неужели ничего нельзя найти в местных магазинах? Что я буду делать до прибытия моих средств?

Первый же визит во французский супермаркет показал, что я сильно перестраховалась. Чего-чего, а хозяйственных товаров здесь было с избытком и на любой вкус: нежнейшая разноцветная туалетная бумага, итальянское глицериновое мыло, которое даже сквозь обёртку источало запахи цветов и фруктов... В Москве в советские времена такого богатого выбора в магазинах не было. Правда, наше чёрное хозяйственное мыло (которое отказывались покупать здешние африканские хозяйки, предпочитая французское, более светлое и ароматизированное) служило мне верную службу на протяжении всей командировки – я мыла им по вечерам ноги, поскольку ходила в обуви на босу ногу: здесь даже самые тонкие носочки накаляли ноги, как валенки. А иногда мыла и руки вместе с купленными фруктами с уверенностью, что

после такой обработки никакая желудочно-кишечная инфекция, страшный бич в тропических странах, не пройдёт. Нам, северянам, крупно повезло с зимними морозами: сколько заразы вымерзает! А тут – все условия, чтобы она плодилась беспрерывно, из года в год, в течение столетий...

За кухней располагалась довольно просторная душевая комната, примерно в двадцать квадратных метров. Душ оборудован агрегатом для подогрева воды. Водопровода с горячей водой, как и отопления, здесь не существует. Возле стены – раковина для умывания, снабжённая клапаном на дне – для экономии воды, не принято лить, сколько хочешь, как у нас. Закрыв клапан, наполнил раковину и умывайся! Чистая вода на вес золота! Чуть подальше – унитаз и биде. Проверила кран над раковиной. Вроде работает нормально, вода течёт, но какая ржавая! Как же такой умываться или даже мыть руки?! Потом поняла, что надо подождать минут пять, пока сойдёт ржавчина. Вода идёт из глубинных артезианских колодцев по железным трубам, которые быстро ржавеют от жары.

Конечно, в моих апартаментах всё намного скромнее, чем на вилле у военного атташе: никаких пастельных красок с лепестками роз, только серо-белое кино. Но хоть просторно!

Между стенами душевой протянуты верёвки: в дождливую погоду можно сушить бельё.

Между душевой и кухней – отдельный туалет, в углу которого, над окном, замерла прозрачная ящерица. Казалось, она недовольно косила глазом в мою сторону, когда я к ней заглянула: кто посмел вторгаться в её владения? «Ну и пусть живёт в этом туалете, я сюда заходить не буду», – решила я и плотно закрыла дверь.

«Надо будет плотно закрывать дверь в спальню, чтобы ящерицы не пробрались», – подумала я. Но, проведя тщательную инспекцию перед сном, обнаружила незваную гостью, спрятавшуюся в углу за шкафом. Сколько я ни старалась отодрать её шваброй с потолка и прогнать за порог комнаты, ничего не получилось. Я не смогла её даже сдвинуть с места. Эта ужасная тварь сидела крепко, как прибитая гвоздями, и никуда не желала уходить. Неужели она жила здесь с моей предшественницей?! Устав с нею бороться, я устроилась в кресле, поджав ноги, в противоположном от ящерицы углу, чтобы не терять её из виду, чтобы она, не дай бог, не свалилась на меня ночью. И так, не выключая света, держа наготове швабру, как солдат ружьё, я провела первую ночь в своей африканской квартире.

На следующий день, сразу после работы, мне всё же удалось выселить наглую квартирантку. Почему все советские сотрудники называли этих ящерок ипритными, не знаю. Может быть, за их способность сильно обжигать кожу при соприкосновении. Много позже, уже вернувшись в Москву, я случайно наткнулась на статью о моих африканских «соседках» – ящерицах, которые без труда могут бегать по стенам или потолку, даже по стеклу. Оказалось, что известны они с незапамятных времен и называются гекконами. Никакую жидкость они не выделяют, а держатся за поверхность благодаря уникальному строению лапок с пятью пальчиками, внешне удивительно похожих на человеческие руки. Каждый пальчик геккона с внутренней стороны состоит из нескольких тысяч (!) бугорков, мизерных, как волоски. А каждый такой бугорок-волосок в свою очередь покрыт сотнями (!) микроскопических, невидимых человеческому глазу, волокон. Между этими волоконцами и поверхностью возникают очень сильные межмолекулярные силы притяжения, которые и удерживают ящерку на потолке и стекле. Учёные всех стран уже много лет пытаются изобрести клейкую ленту, имитирующую лапки геккона. Такая лента, накрывшая рану, могла бы надёжно защитить её от попадания воды и грязи или заменить наложение шва после операции. Пока что человеческому разуму не под силу создать что-то подобное. Вот такая «простая» ящерка, наделённая сверхчеловеческими возможностями! Как много удивительного и чудесного хранит окружающий нас мир! Какие ещё потрясающие открытия предстоит сделать человеку? Нет ли кого-то рядом более умного и совершенного, чем мы? Почему человек возомнил, что он главный на Земле? Если человек – царь природы, почему его жизнь по космическим меркам так ничтожно коротка?

И заметьте: никто не вредит нашей планете больше, чем этот самый «царь природы». Почему? В чём роль и предназначение человека? Кто может объяснить?

Почему мир живёт по строгим законам? Кто их установил? Почему он так многообразен и, самое главное, так бесконечно прекрасен?!

6. Новая работа

В первый раз я пришла на работу без Ани. Коллектив торгпредства я уже знала: торгпред и Аня познакомили меня с сотрудниками в первый же день. Их было всего двое: Валерий Смирнов и Лёша Ермолов. Лёшина жена, Маша, в качестве внештатного сотрудника вела бухгалтерию. Именно Маша дала мне много ценных разъяснений: аренду квартиры нам оплачивает министерство, а за кондиционер каждый платит из своего кармана. Стоит это недёшево – 40% от зарплаты. Кондиционер здесь считается роскошью и стоит дорого, как и подогрев воды. Теперь понятно, почему Аня им почти не пользовалась. Сюда ведь приезжают, чтобы побольше заработать и накопить денег.

– Но обещают скоро повысить зарплату на 30%, – ободряюще добавила Маша, увидев моё расстроенное лицо. Вообще Маша производила впечатление неунывающей и волевой женщины.

Кроме советских сотрудников, были ещё два местных: водитель Сириаак и садовник Жан-Батист. Разгильдяя Сириаака вскоре заменили на более серьёзного Александра. По прибытии опытного механика-водителя из Москвы уволили и Александра. А вот садовник Жан-Батист служил у нас долго – во всяком случае, всё время моего пребывания.

Я с головой погрузилась в работу, кропотливо вчитываюсь в порученные мне документы. Сiju уже несколько часов, не поднимая носа. Как вдруг на столе передо мной появляются два золотистых початка кукурузы, испускающих душистый пар. Поднимаю голову – в роли доброго волшебника Валера. Сам он с дразнящим аппетитом уплетает такой же початок.

– Любишь кукурузу? Тогда это для тебя. Если хочешь, Сириаак может каждый день приносить. Стоит пара початков десять центов. Сейчас как раз сезон кукурузы. Надо пользоваться случаем.

С детства обожаю варёную кукурузу. Если ещё положить на початок немного сливочного масла, чуточку подсолить и запивать холодным молоком – вкуснота неопиcуемая! Но и без масла и молока тоже сойдёт. Надо же, в Африке кукуруза совсем такая же, как у нас, и на вид, и на вкус!

– Ты не очень торопись с бумагами, – советует Валера, наблюдая за тем, как я корплю, вытаращив глаза. – Это тебе задание на всю неделю.

Он скрывается за дверью, улыбнувшись на прощание, а я думаю, вгрызаясь в свой початок, что люди здесь вроде бы неплохие. Может, сработаемся, и всё будет нормально.

Возвращаясь домой после первого дня работы (здесь рабочий день начинался в восемь утра, а заканчивался когда в два, а когда и поздно вечером: ненормированный труд), я обнаружила на посыпанной гравием дорожке, у порога моего дома, убитую ящерицу. Это была уже наружная жительница: серого цвета и гораздо крупнее комнатной. Убили её совсем недавно, кровь ещё не высохла на израненной спинке. Похоже, её ударили камнем. Но окровавленного камня поблизости я не заметила...

Мне стало так жутко, как будто я наткнулась на труп человека. Что это? Может, какое-то предупреждение? Но от кого? И о чём?..

7. Овощной рынок

Торгпред распорядился выдать мне аванс, и Маша с присущей ей аккуратностью отсчитала положенную сумму. Это была местная валюта, франки КФА. Я с любопытством разглядывала непривычные рисунки на купюрах: антилопы, рыбы...

Мы с торгпредом поехали на рынок. Ему надо было подкупить продуктов, а у меня вообще холодильник был пуст. Кстати, здесь всё приходилось держать в холодильнике, даже хлеб, крупу и сахар. Иначе в продуктах сразу заводились насекомые.

Рынок был огромный. В основном продавались свежие овощи и фрукты. Всё было такое аппетитное! Торговали исключительно женщины. Некоторые были с маленькими детьми, привязанными куском материи за спиной или ползающими рядом. У девочек на головках накручены забавные, торчащие в разные стороны хвостики, а в ушках – серёжки. Волосы у африканцев, жёсткие, чёрные, вьющиеся мелким бесом, не растут длиннее 10 сантиметров. Тем не менее такого разнообразия причёсок, как у африканских женщин, вы не найдёте нигде. Самая простая причёска – «грядочки», когда волосы аккуратно разделяют на ровные полоски, кружочки или многоугольники. Пучочки волос, разделённые таким образом, закручивают специальными нитями в хвостики или заплетают в косички. Причёски посложнее делаются с вплетением специальных прядей, подходящих качеством под африканские волосы, но разной длины и цвета. Из добавленных прядей плетут множество косичек. Это кропотливая работа, требующая много времени и умения. Есть свои мастера в этой области. Модельное плетение африканских косичек может занимать 2—3 дня. Срочную причёску делают две-три женщины одновременно в течение 6—8 часов. Вплетённые косички в зависимости от длины прядей могут достигать плеч, лопаток и даже пояса. Уж не знаю, кто первый придумал накладные прядки и кто изготавливает эти прядки сейчас, но их такое множество и разнообразие: от чёрных до разноцветных, от прямых до кудрявых, от коротких до метровых. И как здорово они украшают головки, и не только африканские!

Между овощными рядами расхаживали торговки жареным мясом и хлебом. У каждой огромный таз на голове, наполненный золотисто-коричневыми индюшиными гузками, куриными крылышками и окорочками или длинными французскими багетами с хрустящей корочкой. Мы купили по багету. Как вкусно пахнет свежий хлеб!

– И заметь, они никогда не продают вчерашний, – подчёркивает торгпред. – Не знаю, куда девают чёрствый, но продают всегда свежее испечённый.

Я накупила овощей для салата, пучок душистой мяты – добавлять в чай, шпинат для супа и хотела выбрать бананов. В углу старая африканка продавала какие-то гигантские, таких я ещё никогда не видела...

– Не вздумай их покупать! – остановил меня Владимир Петрович. – Это кормовые, безвкусные и грубые.

Сам он выбрал тоненькие зелёные, как стручки фасоли. Станный вкус! Зачем покупать зелёные бананы, от них вяжет во рту. Я, конечно, купила спелые, жёлтые. Но когда торгпред предложил мне попробовать и сравнить вкус зелёного и жёлтого, то оказалось, что зелёные слаще. Мои московские познания о бананах здесь негодились. Оказывается, бывают зрелые бананы с зелёной корочкой. У них особо нежный вкус, как у сливочного пломбира.

Мне осталось купить травилки от насекомых. Владимир Петрович подводит меня к торговцам травилок. Он прекрасно знает рынок, изучил за несколько лет. На огромных подносах, расставленных прямо на земле, лежали европейские, японские и китайские средства от тараканов, мух и комаров. Выбор довольно большой. Я присела на корточки: так было удобнее выбирать и читать аннотации. Меня тотчас окружила африканская детвора. Все старались прикоснуться ко мне или потрогать мои волосы и при этом лопотали что-то непонятное на своём

языке. Когда я оглядывалась, они поспешно отдёргивали ручонки и невинно улыбались во весь рот. Ну разве можно на них рассердиться?!

– Знаешь, почему малыши к тебе прикасались? – спросил торгпред, когда мы были уже в машине. – Их научили матери. Ты обратила внимание, когда покупала помидоры, как торговка постаралась незаметно прислонить свою маленькую дочку к твоей ноге? У африканцев такое поверье: прикосновение к белой женщине приносит удачу. А каждая мать желает счастья своим детям...

Я старалась унять паническое настроение и решила бороться за свою судьбу вместо того, чтобы бессильно плакать в подушку, как делала Аня. На чужих ошибках можно и даже нужно учиться. Надо было выбрать стратегический план действий. Прежде всего – выбрать друга-покровителя, который поддерживал бы меня всё время и никому не давал в обиду. Это должен быть сильный человек, самый сильный, хотя бы в торгпредстве. Таким был Владимир Петрович, торгпред. Благодаря центральным кадрам я познакомилась с ним ещё в Москве, когда только собиралась в командировку, а он в это время был дома в отпуске.

– Всё-таки впервые едете в тропическую страну, поговорите со своим торгпредом! Он там уже несколько лет, так что может дать много полезных советов. В первую очередь подскажет, что с собой лучше взять. Думаю, вам будет полезна такая встреча, – порекомендовал мне кадровик.

Мне тоже было любопытно увидеть своего будущего шефа. Мучил вопрос: сработаемся мы с ним или нет? А вдруг он какой-нибудь неприятный тип с дурными наклонностями?

Мы встретились у родителей торгпреда перед его отъездом в Шереметьево. Мне понравились его предки, простые и симпатичные люди. И отношения в семье были очень тёплыми. Младший брат торгпреда, красавец и весельчак, вёл себя скромно и доброжелательно, хоть и занимал высокий пост.

– Я вам тут много хлопот причинил, – извинился на прощание торгпред перед родными.

– Ну что ты такое говоришь, сынок! Разве ты нам в тягость? – ответил с мягкой укоризной отец.

Трудно было поверить, что выходец из такой семьи мог оказаться подлым и низким типом. Да и весь облик торгпреда располагал к себе.

Итак, я выбрала себе в друзья Владимира Петровича. Сам по себе он был человеком незаурядным: очень много читал, всем интересовался. Надо было установить и потом сохранять с ним дружеские отношения, тогда я не буду чувствовать себя одинокой и беспомощной. Удастся ли мне это сделать?

Такие мысли занимали меня по дороге с рынка в торгпредство.

8. Текучка

И Аня, и торгпред чётко обрисовали круг моих служебных обязанностей: переводить и печатать всю корреспонденцию и контракты (свели за исполнением контрактов Валера и Лёша), раз в месяц готовить к отправке диппочту, переводить на переговорах, искать материал во французских изданиях об СССР и стране пребывания и готовить краткую аннотацию на русском языке, вести дела «Международной книги» (получать заказы и деньги на книги, а при получении книг из Москвы передавать их заказчикам) и бухгалтерию, которую мне должна была вскоре передать Маша, в порядке очереди готовить и проводить политинформацию, получать и отправлять корреспонденцию на почте, следить за оплатой всех счетов, получать деньги в банке. По бухгалтерии также требовалось ежемесячно готовить и отправлять кассовый отчёт в Москву.

Как раз настал черёд готовить к отправке диппочту: напечатать отчёты торгпреда, подписать конверты, сделать общий список всех отправляемых документов. Само по себе дело чепуховое, и позже я могла его выполнять, что называется, с закрытыми глазами. Но лиха беда начало! И нет Ани, вообще никого, если необходимо что-то уточнить. От напряжения и старания всё сделать без изъёма голова пошла кругом. А тут ещё жену посла угораздило именно сейчас прилететь из Москвы в гости к мужу. Она постоянно проживала в Москве, преподавала в каком-то университете, а сюда наведывалась лишь изредка и ненадолго. И вот теперь то ли от скуки, то ли по каким-то делам она то и дело звонила своей приятельнице, жене торгпреда. Поскольку торгпредша не сидела у телефона, мне без конца приходилось подзывать её, поднимаясь по лестнице на второй этаж: телефоны канцелярии и резиденции были спарены. Конечно, жёны не подозревали, что у меня первая в жизни диппочта и что они меня сильно напрягают. Итак, я поочередно печатала, готовила конверты и бегала вверх-вниз по лестнице, зычным голосом подзывая торгпредшу к телефону, проклиная свалившуюся так некстати на мою голову диппочту и всех праздных жён.

Наконец всё было сделано, упаковано и готово к отправке. Стояла гнетущая духота, несмотря на неустанно работающий кондиционер. С меня сошло сто потов, неприятно липла к мокрому телу одежда. Вокруг ногтей на руках, как украшение, выступили бисеринки пота. Только их промокнёшь, тотчас выступают новые. Сколько же жидкости приходится здесь терять ежечасно и ежедневно?!

Торгпред предложил выпить кокосового молока. Во дворе торгпредства росли четыре кокосовые пальмы. Высоко над землёй, в тени огромных листьев, висели огромные орехи. Маша наняла уличного мальчишку. Я наблюдала, как ловко и проворно взбирался вверх маленький африканец, орудуя длинным изогнутым ножом, который вонзал в ствол, а потом подтягивался к нему, упираясь босыми ногами. Под ударами мачете тяжёлые орехи с гулким стоном падали на землю. Когда мальчишка закончил сбор орехов и спустился с последней пальмы, Маша насыпала ему в руки пригоршню монет. Потом наш садовник Жан-Батист принялся разделять орехи: колот и снимал толстую зелёную оболочку, освобождая коричневые волосатые ядра. В каждом ядре, в определённом месте, пробивал отверстие и выливал содержимое в пластиковую бутылку. В результате из 12 огромных кокосовых орехов получили литр молочка. Я отведала и разочаровалась: во-первых, молочко оказалось не белым, как я ожидала, а водянисто-мутным, словно мел развели водой. Во-вторых, вкус ничем не лучше берёзового сока. А я ожидала чего-то особенного...

Через неделю я отдала торгпреду несколько аннотаций к текстам, которые нашла в «Монд» и других французских журналах. После обеда ко мне подошёл Валера и сказал, дружески улыбаясь, что торгпред доволен моей работой. Валера и торгпред не ожидали, что я смогу справиться с подборкой и переводом статей.

– Знаешь, когда Ане поручили такую работу, она попытала полчасика, потом расплакалась и сказала, что это слишком сложно. Больше ей переводы не давали.

Вон оно что! Об этом Аня мне ничего не говорила. Значит, все переводы приходилось делать одному Валере. У Лёши другая работа, да и языком он владеет не так блестяще. А копаться в журналах и газетах в поисках нужной информации – всё равно что искать иголку в стоге сена. Кропотливое это занятие и изнурительное для глаз. Вы видели, каким шрифтом печатают иностранные газеты? Уж точно не для слепых!

9. Животный и растительный мир

Здесь все окна снаружи защищены противомоскитной сеткой, а изнутри вставлено стекло, но совсем не такое, как у нас. Оконные створки сделаны из стеклянных пластинок, которые с помощью рычажка складываются, плотно прижимаясь друг к другу, или раздвигаются, оставляя проход для воздуха. Если включали кондиционер, окна закрывали, если хотели сделать сквознячок – открывали. В этот день стеклянные створки были открыты. Откуда ни возьмись на окне моего кабинета появилась пара ярких жёлто-зелёных попугайчиков, которые принялись оглушительно громко щебетать. Здесь эти попугайчики такие же бесцеремонные и многочисленные, как у нас воробьи, только щебечут более музыкально. Непрошенные гости прыгали по наружной сетке вверх и вниз и свистели подобно саратовской гармонике. Я попробовала не обращать на них внимания и продолжать работу, но попугайчики так распалились и разорались, что не замечать их не было никакой возможности. Вот же навязались – и улетать не собираются! Может, торгпреда спросить, что с ними делать? Он здесь уже давно, наверняка изучил нравы аборигенов. И я позвала на помощь торгпреда.

– Разве ты не поняла? – сказал мне Владимир Петрович, взглянув на неугомонных птах. – Они же есть просят. Дай им хлебушка!

И действительно, стоило насыпать им крошек, как они перестали галдеть, поклевали, насытились и улетели.

– А ты видела гнёзда попугайчиков у нас во дворе? – спросил торгпред. – Не заметила? Пойдём, покажу! Вон там, видишь, качается среди пальмовых листьев длинная, как носок, корзиночка? Представляешь, они плетут своё гнёздышко одним клювом. Такие мастера!

Потом я не раз наблюдала, выходя во двор торгпредства, как волнистые попугайчики срезают клювами, как ножницами, узкие длинные листики на кокосовых пальмах, привязывают их в облюбованном месте к веточке, а потом ловко и проворно, работая одним клювом, вывязывают длинное гнёздышко, оставляя круглую дырочку для входа. Присмотревшись, я заметила, что они наголо обстригли множество веток...

А сегодня Валера заглянул ко мне, чтобы показать другую сценку из жизни пернатых: на лужайке, напротив наших окон, хищная птица, похожая на коршуна, крючковатым клювом рвала на куски и пожирала пойманного попугайчика.

– Вечная жизненная коллизия, – прокомментировал Валера, задумчиво глядя в окно. – Одни твари поедают других...

10. В гостях у Ольги

Сегодня жена торгпреда, Ольга, пригласила меня после работы к себе в гости. Я с радостью приняла приглашение.

Ольга показала двор торгпредства со всеми потаёнными уголками. Он небольшой, но очень уютный. Вдоль забора растут кусты гибискуса с крупными красными цветками. Такие у нас выращивают в горшках и называют «китайскими розами». Под сенью кокосовых пальм – маленький бассейн, сейчас без воды, а рядом – белый ажурный столик, окружённый такими же стульями. За зданием, в дальнем углу, притаилось роскошное манговое дерево, непроглядная крона которого напоминала густую африканскую шевелюру.

Ольга рассказала много интересного про манго. Оказывается, здесь их два сорта: маленькие с обилием волокон внутри – их называют дикими, и крупные, сочные и сладкие, под названием «королевские», такие как раз росли во дворе торгпредства. Интересно, что цветы у них невзрачные: зелёного цвета, мелкие, едва заметные и даже ядовитые.

Говорят, что в густых кронах этих деревьев прячутся змейки «пятиминутки». Змейки чёрного цвета, длиной не больше десяти сантиметров и очень ядовитые: через пять минут после укуса человек умирает, если срочно не ввести противоядную сыворотку. Отсюда и название «пятиминутки». Ольга предупредила на всякий случай, что у неё есть противозмеиная сыворотка, хотя во дворе торгпредства, слава богу, никаких ползающих ещё никто не замечал. Может, потому, что здесь жил огромный пёс – ризеншнауцер по кличке Фил, который теперь ходил по пятам за хозяйкой.

Неподалеку от мангового дерева поднялся куст бананов. Я читала, что это травянистое растение. Вот уж не подумаешь, что это трава: довольно толстый стебель возвышается метра на два, сверху пук широких листьев, а под ними свисает огромная, килограммов на десять, связка бананов с цветком на конце. Мне потом посчастливилось отведать и бананов, и манго из торгпредского сада. Всё из нашего садика было, конечно, вкусней, чем на рынке. Валерий похвалился, что это он посадил бананы. Он много насажал плодовых растений, оставил о себе память...

Ольга спросила, согласна ли я иногда прогуляться с ней в кафе-мороженое или в бассейн, которые располагались неподалёку. Конечно, я согласилась. После прогулки по саду мы поднялись в квартиру торгпреда, которая находилась на втором этаже: кухня, спальня и просторная гостиная с выходом на веранду.

– Хотите попробовать каракатиц? – спросила Ольга.

Я никогда их не ела – слышала про каракатиц, но даже не знала, что они съедобные. Ольга вытащила из холодильника миску с этими каракатицами, которые внешне походили на кальмаров, только без щупалец. Я помогла их потрошить: вспарывать брюхо и выливать в раковину тёмно-синюю, как чернила, жидкость. Такую жидкость они выпускают в море, чтобы ослепить противника и скрыться. Потом Ольга обжарила их в кляре. Подошёл торгпред. Мы уселись за столом в гостиной, чтобы поужинать. Каракатицы в кляре оказались мне очень вкусными. Фил, Ольгин любимец, вертелся возле стола, выпрашивая кусочек. Владимир Петрович выговаривал Ольге, что нельзя портить собаку и кормить её со стола, на что жена только снисходительно улыбалась. Торгпред объяснил мне, что каракатиц ему дали на советском корабле, который заходил недавно в порт, доставив свежемороженую рыбу согласно контракту. Наши траулеры вылавливают у побережья Африки морскую рыбу, потом передают на торговые суда, а те развозят по странам-получателям. Это очень выгодные контракты для африканских стран: население получает достаточно много недорогой качественной рыбы, которая служит для них основной пищей.

– Здесь есть крупный коммерсант, Антуан Коджа, ты его скоро увидишь, мы с ним часто встречаемся, он давно уже покупает у нас свежемороженную рыбу. В порту есть склады-холодильники, принадлежащие французам, где можно хранить скоропортящиеся продукты. Коджа выдаёт эту рыбу небольшими партиями уличным торговкам, и они в тазах разносят товар по городу для продажи. Ты уже небось заметила: торговки, в основном женщины, всё носят на голове. Потому они такие стройные. Среди африканок не встретишь ни одной кривобокрой или сутулой.

Что правда, то правда. Кривобокрых африканцев не существует. И ещё одну особенность я заметила: у африканских женщин очень пышные попы, как подушки. Можете смело поспорить на что угодно: сухопарых африканок не бывает.

– А чем здесь занимаются мужчины?

– А мужчины лежат в тенёчке, отдыхают, как и положено. Это только у нас мужики вкалывают, – со смехом объясняет Владимир Петрович.

Я стараюсь задобрить Фила и потихоньку даю ему угощение со стола. А как иначе? Он после Ольги подходит ко мне и с такой укоризной смотрит, как будто хочет сказать: «Сама лопаешь, а мне жалко дать малюсенький кусочек?» И ещё, когда я на него не обращаю внимания, он трётся об меня грязной бородой, оставляя следы на чистой одежде. Спорить я с ним не хочу. Вы бы видели его клыки! Да он не только руку – всю меня вмиг перекусит. Владимир Петрович не понимает моих проблем.

– Все вы, женщины, одинаковые. Вы жалеете и не хотите понять, что портите пса, делаете его оболтусом. А он, между прочим, очень породистый, – объясняет мне торгпред. – Я тебе его паспорт не показывал? Сейчас принесу. Смотри, какая у него родословная: шесть колен. И все медалисты. Ты знаешь своих предков в шестом колене? И я нет. А предки этого пса все известны и по отцовской, и по материнской линии. Мне его два года назад Юрий Никулин подарил. Фил был тогда совсем малюсеньким щеночком. На лапках едва держался, на каждом шагу падал. А теперь вон какой вымахал! Оленька, ну вот сколько я буду тебя просить не кормить пса со стола? Он должен есть свою еду из своей миски и не приставать к гостям, – сердится торгпред.

Ольга отвечает ему снисходительной улыбкой.

– Через месяц придёт следующий корабль, мы тебе заполним морозилку рыбой. В основном будет скумбрия. Но, может, и какая-нибудь другая. А вот на рынке рекомендую купить капитана, она по вкусу похожа на нашего осетра. Мы тебя свозим как-нибудь на рынок, где продают всё, что вылавливают в море, – обещает торгпред.

– А какие здесь креветки замечательные! И совсем недорогие, – добавляет Ольга.

Я любила их посещать. У них так уютно! А гостеприимная Ольга всегда находила что-нибудь вкусное для угощения. Она – прекрасная хозяйка. К тому же красавица. Особым её украшением были пышные золотые волосы, спускающиеся ниже пояса. Ни разу я не видела её злой. Сердитой – да, но никогда озлобленной. Ольга была врачом-кардиологом, училась в аспирантуре. Через месяц они с мужем должны были отправиться в Москву на отдых, а пока она показывала мне местные достопримечательности.

Несколько дней спустя мы посетили кафе-мороженое. Маленький чистый зал, негромкая музыка из приёмника, белые салфетки на столиках. В зале – ни души. Мы заказали ванильно-клубничное французское мороженое. Принесли произведение искусства: в красивой креманке – горка мороженого, украшенная разноцветными цукатами, свежей клубникой, взбитыми сливками и даже крошечным бумажным зонтиком. Всё настолько красиво, что жалко есть. А на вкус – ничего особенного. Наше пусть не так изысканно оформлено, но, по-моему, намного вкуснее.

– Оно низкокалорийное, – объяснила Ольга его преимущества. – Можно съесть много, и не поправишься. А наше мороженое очень жирное. Но вам, Рита, не мешает немножко поправиться, – заметила она, рассыпая глазами весёлые искорки.

Она была права: во мне в ту пору весу было всего 49 килограммов при росте 1,62 метра. У Ольги же было восхитительное тело, достойное энгровских полотен.

Ещё через неделю мы с ней посетили гостиницу «Шератон». Её построили на берегу океана западные немцы незадолго до моего приезда. Ольга показала мне несколько баров; в одном, на её взгляд, самом красивом, украшенном в восточном стиле, мы заказали кока-колу и жареный арахис. Здесь всё было в коврах, так что гарсон, официант, двигался совершенно бесшумно, хотя и очень проворно.

В холле гостиницы располагалось множество киосков с сувенирами местного и европейского производства. Из африканских меня больше всего впечатлили коврики с нашитыми фигурками зверей. Я решила, что обязательно куплю себе такой для Москвы.

Мы вышли к бассейну, который находился за гостиницей, со стороны океана. Подкрашенная вода была ярко-бирюзовой, вокруг стояли шезлонги и пёстрые зонтики. Ольга предложила искупаться и позагорать и расстроилась, когда я отказалась: моя слишком чувствительная кожа боялась загара. Пока она купалась, а потом загорала на деревянном лежаке, я читала книжку, спрятавшись от солнца под широким зонтом. В посольской библиотеке я взяла роман Ф. М. Достоевского «Идиот», который поглощала с огромным удовольствием. Роман меня потряс – перевернув последнюю страницу книги, я целый месяц приходила в себя. Кажется, после него больше нечего читать. Другие произведения Достоевского, которые я потом нашла в библиотеке, показались мне намного легчевесней...

В бассейне купались только белые. Неожиданно появилась африканская семья: отец в сопровождении пяти дочерей разного возраста. И глава семейства, и девочки были одеты в дорогие европейские костюмы. На девочках – элегантные английские шляпки с ленточками и даже перчатки (в такую-то жару). Хотя если они прибыли сюда на машине с кондиционером... Они прогулялись вокруг бассейна, внимательно рассматривая белых людей, как зверей в зоопарке, и не спеша, чинно и важно удалились.

11. Первые переговоры

Я должна была переводить для торгпреда и нашего посла в министерстве авиации. Волновалась, как перед экзаменами. Даже больше. О чём будут говорить, не знала. А вдруг попадутся неизвестные слова? Наверняка будет много чего неизвестного. Страх и ужас! Бросят меня, как щенка, с корабля в океан, и выплывай, как можешь!

Но ничего архисложного, к счастью, не оказалось. Мне удалось перевести, кроме деловой части, даже шутки и всякие пословицы, русские и африканские. Шутки-прибаутки и народную мудрость я переводила не дословно – получилась бы нелепица, а подбирая в памяти какой-то аналог. Никогда нельзя переводить слово в слово. Одна моя знакомая однажды на переговорах перевела дословно «В огороде – лебеда, а в Киеве – тётка». Аудитория резко разделилась на две части: в то время как русская половина весело хихикала, у иностранцев вытянулись физиономии. Они напряженно соображали и переспрашивали переводчицу: «Что такое в огороде? Плохая трава? (Переводчица к тому же не знала, как будет по-английски „лебеда“.) Выходит, надо полоть огород, а тётя, никого не предупредив, уехала в Киев. А что же тут смешного?»

Кажется, мне посчастливилось выкарабкаться: и та и другая сторона смеялись над шутками – значит, всё поняли.

На прощание африканский министр энергично пожал руки нашему послу и торгпреду, а мою руку вдруг поцеловал со словами:

– Благодарю вас за прекрасный перевод.

Я совсем этого не ожидала и опять заволновалась: что, если моему руководству это не понравится? Лучше никогда не выпячиваться. Мало ли как это воспримут? Зря он так сделал. Зря. Но, кажется, и торгпред, и посол не разозлились. Или только сделали вид. Торгпред, по-моему, даже загордился, что у него такая переводчица. А посол несколько дней спустя заметил:

– Все неплохо, но... вы не совсем правильно грассируете французское «р».

– А мои преподаватели считали моё произношение отличным, – возразила я, не удержавшись.

– Не обращай внимания! – успокоил меня Владимир Петрович, когда мы возвращались в торгпредство. – Просто Славик (так он шутливо называл посла за глаза) не переносит, если кто-то лучше него говорит по-французски.

Надо сказать, что наш посол прекрасно владел французским, но всегда на переговоры брал переводчика. Я посетила почти все министерства, знала многих министров и генеральных директоров (в этой стране второе лицо после министра). Не довелось встретиться только с президентом страны. На встречи с ним посол ездил в сопровождении военных переводчиков.

К советскому послу здесь относились с почтением. Вероятно, ценили страну, из которой он прибыл. В единственной в ту пору центральной газете «Эузу» (в переводе что-то вроде «Вперёд к победе») однажды опубликовали информацию о встрече президента страны (в ту пору Матьё Кереку) в один день с двумя послами: советским и американским. Информация была распределена так: первая страница украшена большим фото президента, беседующего с советским послом, а на последней, четвёртой, где публиковали незначительные происшествия и соболезнования, без всякого фото короткая заметка: «Сегодня президент принял у себя посла США».

Я никак не могла понять: почему в Африке так не любят американцев? Сильная, процветающая страна, которая щедро делится со всеми слабыми своей передовой демократией... Не могут простить рабства и угнетения? Или бесцеремонное внедрение демократии вызывает естественное отторжение? Интересно, что придумают США, чтобы обрести доверие столь обширного и богатейшего континента?

Сейчас перечитываю написанное десять лет назад и думаю: «А зачем США будут добиваться доверия, если они привыкли всё брать силой?!»

12. Выставка книг и фотографий

В советском культурном центре организовали выставку советских книг и фотографий. Валентин, директор центра, попросил меня помочь в работе выставки: встречать гостей, объяснять, отвечать на вопросы. Валентин и его жена, Лара, были мне очень симпатичны. У нас с Ларой много сходства и в характерах, и во внешности: обе блондинки, маленькие, хрупкие. Я бы с удовольствием с ними дружила, но Лара меня недолюбливала. А скорее, просто ревновала к мужу. Валентин выказывал мне особое внимание при встрече, и я замечала, как мрачнело при этом лицо его жены. Поэтому я старалась держаться от них обоих подальше. Перед поездкой меня предупредили в кадрах: «Никаких любовных интриг или скандалов! Если хоть одна жена на тебя пожалуется...» Но дело даже не в этих предупреждениях. Кстати, многие их игнорировали и поступали в своё удовольствие. Просто я не искала здесь любви: на родине у меня оставался дорогой мне человек, единственный и незаменимый. Правда, об этом никто не знал. Это была моя тайна.

Африканцы охотно посещали наш культурный центр. Там демонстрировали советские фильмы, работали курсы русского языка, библиотека и читальный зал, куда регулярно приходили газеты и журналы из Москвы. Особенно часто сюда наведывались африканские выпускники советских вузов, которые приводили своих жён и друзей. Их жёны зачастую были советского происхождения.

Советский Союз притягивал внимание и интерес африканцев. А Валентин, надо отдать ему должное, всё время устраивал какие-нибудь интересные мероприятия, то литературные, то музыкальные. Сам он был незаурядной личностью, прекрасно играл на рояле.

На выставку советских книг и фотографий пришло довольно много африканцев. Все нарядились, как на праздник, надели свои лучшие костюмы. У мужчин это длинные и просторные рубахи бубу, а на голове – шапочки-пилотки. Женщины поверх платья обвивают бёдра большим куском такой же ткани, а на голове накручивают пышный тюрбан...

Мне пришлось много отвечать на вопросы, так как большинство книг было издано только на русском языке. И тут ко мне подошёл пожилой африканец в синем бубу, которого заинтересовал цветной альбом о В. И. Ленине. Он попросил рассказать, что в нём написано. Меня не удивил заострённый интерес к Ленину: во многих местных учреждениях на столе или шкафу обязательно присутствовал миниатюрный бюст вождя первой на земле социалистической революции. Отношение к нему здесь было особое, трепетное. А популярность его объяснялась, очевидно, неистребимой мечтой обездоленных и униженных о счастье. Африканский континент как никакой другой пострадал от рабства. Нашу страну, Советский Союз, здесь считали самой справедливой и лучшей на земле. Африканцы всегда мечтали о такой стране.

Изображения Владимира Ильича, очевидно, привозили на родину африканские студенты, обучавшиеся в СССР.

Я объяснила африканцу, о чём эта книжка, и хотела было положить её на место, но он попросил рассказать подробнее. Пришлось перелистывать страницу за страницей, переводить названия фотографий, пересказывать по памяти события. Жду, когда африканец потеряет, наконец, интерес и отпустит меня, а он неустанно просит продолжать. Между тем к нам подходили всё новые и новые люди. Старик в васильковой рубахе обрастал соплеменниками, как снежный ком. Собравшиеся африканцы, мужчины и женщины, слушали затаив дыхание. Старик стоял напротив меня, скрестив руки на животе, и задумчиво улыбался. Лицо его избороздили глубокие морщины, волосы вокруг шапочки отметила седина, передних зубов не хватало. Наверное, он прожил непростую жизнь...

Когда книжка закончилась, он бережно взял её у меня из рук и прижал к груди.

– А вы не могли бы подарить мне эту книгу? – спросил он, с надеждой заглядывая мне в глаза.

– Надо спросить разрешение, – ответила я, оглядываясь по сторонам, чтобы найти Валентина. Но его, как назло, нигде не было видно. Куда он мог деться? Нашла его помощника, но тот только пожал плечами:

– Это единственный экземпляр. Впрочем, как Валентин скажет. Он – главный. Может, он и подарит.

– Если нельзя подарить, то можно я куплю? – умолял престарелый африканец. Глаза у него блестели от проступившей влаги.

Я тщетно разыскивала директора культурного центра, пробираясь налево и направо сквозь толпы гостей. Наконец он сам откуда-то появился, я кинулась к нему, рассказала о случившемся, спросила, что делать.

– Конечно, подарим, раз ему так полюбилась книга. Где этот человек?

Но пожилого африканца в синем бубу уже не было.

13. Новые знакомства

Маша передала мне бухгалтерию. Как аккуратно вела она все дела! Непонятно, почему торгпред от неё отказался. Правда, Маша намекнула, что они с Лёшей не всегда соглашались с решениями Владимира Петровича.

– Да ты сама всё увидишь и поймёшь, – многозначительно предупредила она.

Против моего ожидания, она не затаила на меня зла, хотя потеряла заработок – какой-никакой, но за границей любая лишняя копейка дорога. Меня же нагрузили бухгалтерией безо всякой дополнительной оплаты. Зато кое-кто из экипажа Ан-24, которым руководил Лёша в качестве представителя «Авиаэкспорта», выразил мне своё «фи». Вот уж чего не ожидала! Когда экипаж пришёл за очередной зарплатой (почему-то все явились с жёнами), бортмеханик поморщился, завидев меня, словно лимон проглотил.

– А где Маша? Почему она не работает? – учинил он мне допрос, как будто не знал, что случилось.

Верная жена, заплывшая жиром, безмолвно поддержала супруга, сверля меня осуждающим взглядом. Мне стало досадно за них: уже немолодые, они до неприличия выслуживались перед Лёшей. И до чего трусливые! Что же вы не пошли высказать своё недовольство торгпреду?!

Пилот и радист, также прибывшие с жёнами, молча наблюдали, но от них тоже веяло неприязнью.

Только один человек правильно понял моё положение и решил переломить ситуацию. Ко мне подошла жена штурмана, Оксана, и, как будто извиняясь за всех, дружелюбным тоном предложила познакомить меня с девушкой, которая работала в другом советском представительстве. Она была примерно моего возраста и тоже приехала одна.

– Здесь трудно быть одной, вдвоём всё веселее – и прогуляться куда-нибудь, и просто пообщаться.

Я согласилась, и Оксана проводила меня до представительства экономсоветника, в котором она подрабатывала горничной, а девушка, с которой она решила меня познакомить, Неля, служила бухгалтером. Так с помощью добродетельной Оксаны я приобрела «подругу дней моих суровых». Оксана была из тех людей, которые скромно держатся в тени, но первые замечают, что кому-то нужна помощь. Помогут и снова отходят в сторону.

Лёша относился к ней и её мужу, Вадиму, с особой симпатией. А африканские авиаторы почтительно называли Вадима «интеллигент». Кто мог тогда подумать, что именно к ним постучится страшная беда?

Нелино представительство располагалось недалеко от торгпредства. Это был настоящий райский уголок, главным украшением которого служил огромный цветник, на котором собрались все известные мне с детства цветы. Не знаю, кто первый заложил эту клумбу, но она продолжала жить, благодаря стараниям Оксаны и Нели. Наши российские цветы, попав в тёплый климат, неустанно цвели и благоухали круглый год. Может, они и не считали своё цветение за труд, а только радовались вечному солнышку! Я пришла в восторг, увидев такую красоту, и, конечно, загорелась желанием развести что-то подобное во дворе своего дома. Но это было ещё не всё.

Рядом с виллой росла веерная пальма, пушистые листья которой, похожие на огромные страусиные перья, образовали гигантский зелёный веер. Я такую видела впервые.

Кроме того, на вилле проживала маленькая остроглазая обезьянка, очень шустрая и забавная. Она была привязана на цепочку, как собачка, чтобы не сбежала. Люди всегда привывают к приручённым животным: кошкам, собакам, хомячкам... Неля обожала свою обезьянку.

– Она очень любит лакомиться сырыми яйцами, – рассказывала она. – Если бы ты видела, как она ест! Сначала осторожно надкусывает скорлупу сверху, затем расширяет отверстие пальчиками, аккуратно отламывая кусочки, выпивает белок и под конец, не спеша, растягивая удовольствие, выедает желток. Вся её мордочка при этом сияет от наслаждения.

Как бы ни кормили, наверное, несладко жить на цепи, вдали от родных и друзей...

С обезьянкой мы сфотографировались на память. Она прекрасно позировала – видимо, привыкла к роли фотомодели. С моим появлением обезьяний рацион расширился. Чем мы её только не угощали!

Как-то, прогуливаясь к океану, мы с Нелькой обнаружили на песчаном пустыре тоненькие плети с плодами величиной не больше яблока и очень похожими на арбузы: такие же круглые, светло-зелёные в тёмно-зелёную полоску. Вот только мякоть внутри, к сожалению, не красная и сахарная, а зелёная и горькая. Правда, очень сочная. Мы сорвали и принесли этот мини-арбуз обезьянке. Он ей пришёлся по вкусу. Она с аппетитом выела сочную мякоть. Прямо-таки обезьяний арбуз!

Кроме обезьянки на Нелькином попечении оказалось ещё одно существо.

– Раз я застала нашего африканского сторожа копающимся в мусорном баке, – поведала мне Нелька. – Я остановилась, чтобы посмотреть, что он там ищет. Он достал куриные объедки, которые я только что выбросила, улёгся на спину, смотрит в небо и с наслаждением обсасывает косточки. После этого я стала выносить ему еду. Положу чего-нибудь на тарелку и ставлю на крыльцо. Он поест и возвращает пустую посуду. А однажды, после дождя, помыл тарелку в луже, а потом поставил на крыльцо. Чистоплотный!

Жила Неля, как она говорила, «в каморке под лестницей». Её комнатка ютилась под лестницей на второй этаж, где располагались офис и квартира экономсоветника.

Экономсоветник, Нелин начальник, был уже немолодой, но привлекательный мужчина. Очень походил на киноактёра Иннокентия Смоктуновского: худой, высокий, интеллигентный и обаятельный. Говорили, что его жена, вторая по счёту, приехавшая вместе с ним в Африку, тут же тяжело заболела и вернулась в Москву. Бедолага экономсоветник был обречён на тоскливую одинокую жизнь, но судьба послала ему Нельку, молодую, весёлую и свободную, как птичка.

Нелькин шеф был интересным собеседником, а я – жуткая спорщица. Так что в основном говорили мы вдвоём, а Нелька больше помалкивала, загадочно усмехаясь, подливая в чашки чаю и придвигая вазочку с печеньем. На моё замечание, что он похож на Смоктуновского, экономсоветник рассмеялся и неожиданно сказал:

– Смоктуновский? Я его хорошо знал. Мы с ним земляки, из одного города. А воспоминания о нём остались не самые лучшие. Была у меня в ту пору девушка, Алевтина, так вот Кеша увёл мою Алевтину. Или она к нему сама перебежала... Такая вышла история!

Как и все советские сотрудники, старающиеся за границей пересесть с отечественных машин на импортные, экономсоветник заказал себе «ауди» с комфортным салоном и кондиционером. У наших машин кондиционеров не было, под африканским солнцем они раскалялись, как печки. Прохладнее в них становилось только на полном ходу при открытых окнах.

Нелька пригласила меня на прокат нового авто. Её шеф был на седьмом небе от своей «ауди». Правда, она того стоила. Машина была так хорошо сконструирована, что не катилась по дороге, а летела над ней ласточкой. На той же самой дороге наши «жигули» тряслись и грохотали, как железное корыто...

14. Лагуна

Торгпред с женой улетели в Москву. В их квартире поселился Валерий со своей семьёй на правах хозяина: он замещал торгпреда на время отпуска. Теперь помимо чёрной бестии ризеншнауцера повсюду в торгпредстве мелькала белокурая головка крошечной, как Дюймовочка, Сони, дочери Валерия. Неугомонная, любопытная, говорливая девчушка замирала и теряла дар речи только при виде Фила, который наверняка казался ей огромным чудовищем.

– Не бойся его! Теперь ты – его хозяйка, – наставляли её старшие. Но Сонечка хозяйкой Фила себя не ощущала и крепко прижималась к ногам отца или матери, лишь только пёс появлялся рядом.

Мы с Викой, женой Валерия, теперь часто ездили вместе на рынок за покупками. Языка она не знала, поэтому нуждалась в моей помощи и охотно брала меня с собой. Благодаря ей я обошла и узнала все углы и закоулки промтоварного рынка, который здесь назывался Лагуна. Он был невообразимо богатым, разнообразным и красочным. Некоторые женщины вообще теряли от него голову. Вика относилась к их числу. Перед окончательным отъездом на родину каждая мечтала напоследок посетить этот рынок. Жена советского посла, навещавшая супруга наездами, по слухам, забирала все его накопления и спускала их за несколько дней на этой самой Лагуне...

Поскольку это был портовый город, товары привозили сюда со всех концов света: Америки, Европы, Ближнего Востока, Австралии, Китая, Индии... Причём каждую неделю появлялось что-то новое. В нашей стране в ту пору такого изобилия и разнообразия не было и в помине. Надо ли говорить, как кружилась голова у женщин от такого богатства! Для мужчин тоже имелся соблазн – техника. Лавки ливанцев и индусов ломились от разнообразных магнитофонов, видеоплееров, музыкальных центров, видеокассет... Для постоянных клиентов лавочники всегда делали скидку. Какую-никакую, но всё-таки куда интереснее покупать со скидкой. А месяца за два до конца года все товары продавали на 25% дешевле: рождественская скидка.

Мы быстро закупили продукты, оставили их в багажнике и, как аквалангисты в недра океана, погрузились в промтоварные ряды. Обычно Вика брала с собой на рынок свою подругу Светлану, жену военного переводчика. Эта смазливая длинноногая красотка до смерти любила наряжаться, как и Вика.

Женские кофточки продавались целыми упаковками. Надо было только выбрать фасон и размер. Торговки дамскими нарядами хорошо знали Вика и предлагали ей только что полученные новинки. Проворными руками они ворошили коробки, извлекая из них, подобно факирам, упакованные в целлофан разноцветные тюки гонконгского производства. Поистине нет предела человеческой выдумке! В каждом наборе были свои расцветки (поражали чистые, нежные тона) и всевозможные украшения: шитьё, аппликации, кружева, сеточки, дырочки, искусственный жемчуг, бисер, блёстки... Женское бельё было изготовлено ещё изощрённее. Вика купила пачку бикини, украшенных золотыми губками. «Поцелуйчики», – тут же окрестила она. Другие трусики, с кружевным разрезиком посередине, она назвала «Заходите». Светлана, рассмеявшись, тоже купила себе упаковку тех и других. Я последовала их примеру, потому что такого красивого белья у меня никогда не было. Правда, немного позже я убедилась, что качество намного отставало от внешнего вида, но и стоили они «рупь за пачку». А обновить их здесь не было проблемой.

Рынок был огромный, как море, и повсюду, куда бы мы ни заходили, у Вики были знакомые. Здесь уже знали её вкус. Она была известная покупательница, и это ей льстило. Мы переходили от белья к сумкам, от спортивной одежды к посуде, от бижутерии к обуви, которую, кажется, создавали не обувщики, а та самая волшебница из сказки про Золушку, так

неподражаемо красивы были фасоны. Здесь Вика тоже кое-что подкупила: одну пару – под розовое платье, вторую – под зелёную кофту, а босоножки, совершенно прозрачные, ко всему подойдут, и каблук подходящий. В рядах пляжных шлёпок стояли сотни образцов всех цветов радуги. А впереди ещё – платки, шали и шарфики, ткани... Спортивные принадлежности Вики не привлекали, детские одежда и обувь – немного, другое дело – посуда, особенно аркопал (закалённое стекло разного цвета и формы): чайно-кофейные, столовые и прочие сервизы и наборы в виде рыб, листьев, цветов и т. д.

Здесь было на что потратить деньги! Особенно человеку слабовольному. У Вики посещение вещевого рынка превратилось в неизлечимую болезнь. Аня рассказывала, как Вика пропадала на Лагуне целыми днями, оставляя крошечную Соню одну дома, пока та спала. Проснувшись, малышка часами рыдала в кроватке, размазывая ногами и руками мочу и кал.

Позже, когда Соня научилась ходить, она бродила с кусочком хлеба или сыра в грязных ручонках, погрызая свою еду, как мышонок. Когда я приехала, ей было года четыре: льняные волосы, ангельское личико и красные, шелушащиеся от экземы пальчики. Говорили, что эта болезнь может остаться у неё на всю жизнь.

– Вот такая судьба наших детей в Африке, – вздыхала Вика. – Все ослабленные и больные.

– Ничего подобного, – говорили другие женщины. – И в Африке дети могут расти здоровыми, если за ними хорошо следить.

Эта же Соня однажды чуть не умерла. Слава богу, рядом вовремя оказался врач. Ольга, жена торгпреда, зашла к ним по делам и случайно увидела, что Соня оправляется с кровью.

– У Сони кровь в кале, ты заметила? Давно это у неё? – озабоченно спросила она Виду.

– А, ерунда! Поела чего-нибудь, – отмахнулась Вика. – Я ей как раз малиновый компот давала.

– Это не малиновый компот, а кровь. Собери-ка кал на анализ, я отвезу. Это может быть очень серьёзно.

Вика нехотя отыскала баночку и передала Ольге, которая тут же отвезла её в лабораторию, упросив срочно сделать анализ для ребёнка. Оказалось, действительно серьёзно – амёбная дизентерия, которая беспощадно косит людей, а тем паче детишек. Соню успели спасти.

Но и после этого случая Вика не стала более серьёзной, а на врача, которая «езде суёт свой нос», затаила не то обиду, не то злобу.

В отличие от домашней и уютной Маши, Вика не любила вести домашнее хозяйство. «Только не привязывай себя к кухне», – повторяла она, как правило, напутствие своей мамы. Валерий пытался её поправить, но тщетно. Он никогда не ругал и не упрекал её при свидетелях. Но видно, пытался иногда что-то объяснить дома с глазу на глаз. На другой день после таких объяснений Вика появлялась в торгпредстве разъярённая.

– Бездельник, хам! – беспощадно поносила она мужа. – У него работа! Что это за работа! Сидит целыми днями, штаны протирает. Здоровенный мужик! – Она рвала и метала и всегда оставалась при своём мнении. Ей можно было бы возразить, что Валера прекрасно знает язык, обладает великолепной памятью. Работая на Африканском континенте, он знал назубок столицы всех государств и имена всех африканских президентов. Он проводил самые интересные политинформации, рассказывая об истории, быте, культуре каждой страны. Но вряд ли это оказало бы на неё воздействие. И по характеру он был добродушным и покладистым. Вика брала над ним верх, применяя психологическую атаку: не общалась с ним несколько дней или целую неделю, настраивая против отца девочку. В такие дни он сам себя полностью обслуживал. Но, конечно, его сильно угнетало, что самые любимые существа: жена и ребёнок – его полностью игнорировали. Наконец он не выдерживал и сдавался, просил прощения, шёл на попятную. Он обожал жену, которая, по его словам, и балериной была, и манекенщицей, берёт журналы мод с её фотографиями, показывал всем при случае, гордился...

Надо сказать, не один он был сражён её чарами. Находились и другие люди, которых восхищала внешность Вики. Среди её почитателей оказались Неля и её шеф. Нелька признавалась, что восхищается внешностью Вики. Ей вторил экономсоветник. Упомянув Вику, он произносил с улыбкой:

– В ней присутствует очаровательное сочетание женщины и подростка...

Другие её осуждали. Маша находила её капризной и избалованной, а Лёша удивлялся, как Валерий вообще терпит такую никудышную бабёнку. Давно пора её выставить за дверь.

Владимир Петрович симпатизировал Валерии, которого хорошо знал ещё по Москве. Они были друзьями. Могли бы стать родственниками: и Валера, и его родители мечтали принять Владимира Петровича в свою семью, выдав за него старшую сестру Валеры. Кажется, Владимир Петрович немного сожалел о том, что не согласился. Сомнения помешали:

– Мне она казалась настолько умной, что я чувствовал себя перед ней набитым дураком! У них вся семья очень интеллигентная, а я – из простых. И это меня постоянно смущало, – признавался и оправдывался он много лет спустя.

Владимир Петрович переживал за Валерию и с трудом переносил его половину. И торгпред, и его жена не раз выговаривали Вике за её поведение. Но их мнение её ничуть не беспокоило.

Получив очередную индульгенцию от супруга, Вика продолжала наслаждаться своими «наркотиками» на полную катушку, спуская за несколько дней месячный заработок мужа – кстати, довольно приличный...

15. Местные развлечения

Несмотря на то что я невольно вытеснила Машу из бухгалтерии торгпредства, Маша и Лёша продолжали со мной дружить. В отсутствие торгпреда они не забывали заезжать за мной (у Лёши был служебный «жигуль»), если отправлялись в резиденцию посла на просмотр нового советского фильма. Это было место встречи всей «советской колонии». Здесь общались, делились последними новостями, посещали библиотеку или медпункт, в котором по очереди дежурили жена торгпреда и жена военного атташе.

Фильмы демонстрировали на открытой площадке, где стояли скамейки перед экраном. Первый ряд предназначался для посла, который всегда появлялся последним. Как только он усаживался перед экраном, механик включал фильм.

Но даже если посол не приходил, места, предназначенные для него и его супруги, никто не занимал. Только однажды их занял экипаж «Аэрофлота». Очевидно, их никто не предупредил. Стюардессы заняли первый ряд, удивляясь, что другие «товарищи» так недогадливы, и стали звать друзей: «Коля, Ваня, идите сюда! Тут целый ряд пустой». Присутствующие, посмеиваясь, ожидали, что будет дальше. Но ничего особенного не произошло. Посол и его супруга, как всегда, подошли последними, с удивлением посмотрели на стюардесс и сели там, где было свободно. Сразу же начался фильм. Наверное, кто-то успел шепнуть экипажу, куда их занесло, потому что во время фильма они поспешили пересесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.